

Т. В. Данилова

Национальный университет биоресурсов и природопользования (г. Киев)

ПО ТРОПИНКЕ, ВЕДУЩЕЙ НА ВОСТОК: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЯПОНСКИХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЯХ

Предпринята попытка исследования фундаментальных ценностей японской культуры в контексте теории ценностных ориентаций Ф. Клакхон и Ф. Стродтбека. Первая ценностная ориентация обращена к внутренней природе человека: является ли человек добрым, злым или амбивалентным? Японцы считают, что человек по своей сути добрый, и эта врожденная предрасположенность остается неизменной. Вторая ценностная ориентация - отношение человека к природе - предусматривает несколько вариантов: «человек подчинен природе», «человек живет в гармонии с природой» и «человек властвует над природой». Третья ценностная ориентация связана с отношением людей ко времени. Общества отличаются тем, какому из измерений времени они отдают предпочтение: прошлому, настоящему или будущему. Японцы отдают предпочтение прошлому, основанному на традиции и опыте, и склонны рассматривать его в качестве ориентира при принятии решений. Четвертая ценностная ориентация описывает самоопределение человека в мире, модальность его активности. Это ориентация на деятельность, бытие или бытие-становление. Пятая ценностная ориентация – это модальность межлических отношений: индивидуалистическая, коллатеральная или линейная. Линейная модель характерна для японского общества, которое строится на основе жесткой иерархической системы «старший – младший». В ее рамках понятие семьи охватывает всех дальних родственников: племя, клан, а также покойных предков. Система ценностных ориентаций не остается неизменной во времени. Современная Япония пытается сочетать традиционные установки с политическими и социальными требованиями развитой экономической системы.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, японская культура, синтоизм, буддизм, конфуцианство

Введение. Представление о полярности восточной и западной культур отражено в «Балладе о Востоке и Западе» Дж. Р. Киплинга:

«О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,

Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд».

Сегодня проблема диалога Востока и Запада актуализирована глобализационными процессами и усилением экономической интеграции. Мировое сообщество охвачено сложной сетью экономических, технологических, политических, социальных, культурных отношений. Эта взаимозависимость является характерной чертой современного мира, а будущее сулит еще большую взаимосвязь, требующую значительного роста культурной компетентности, языковых способностей и коммуникативных стратегий. Общества с различными традициями, языками, религиями, культурами взаимодействуют и влияют друг на друга посредством межкультурной коммуникации. Хотя процессы глобализации в значительной степени определяют лицо современного мира, трансплантация идей из одной страны в другую без учета культурно-ценностного контекста, в котором зарождались эти идеи, а также традиционного уклада культуры-реципиента, может породить недоразумение, страх, недоверие, агрессию (Hofstede 1997) [11]. Основой культуры выступают культурные ценностные ориентации, которые иногда мирно сосуществуют, а иногда конфликтуют между собой. Они существенно влияют на взаимоотношения между людьми и на их отношение к миру. Признание и уважение чужих традиций, ценностей, установок, норм поведения и выстраивание совместно разделяемой системы ценностей способствуют эффективному взаимодействию представителей разных культур, рас, этносов, религий.

Культура Японии в наши дни получает все большее распространение и популярность. Полная неразгаданных тайн, утонченная и экзотичная, она является уникальным синтезом различных культур, прошедших через призму японского мировосприятия. За сравнительно короткий период времени Япония восприняла многие достижения западной культуры и внесла со своей стороны заметный вклад в современную

мировую цивилизацию. Японский феномен породил множество вопросов относительно культуры этой страны и базовых ценностных ориентаций ее жителей.

Анализ исследований и публикаций. Создателем одной из первых универсальных и эмпирически обоснованных теорий ценностей, а также автором и организатором одного из первых опросов, посвященных ценностям, был американский психолог М. Рокич. Под ценностными ориентациями личности он понимал стойкое убеждение в принципиальном преимуществе определенных целей или способов существования перед другими. По мнению исследователя, ценностная ориентация так или иначе влияет на все общественные явления. М. Рокич выделял 36 человеческих ценностей, которые организованы в ценностные системы, и утверждал, что все люди исповедуют одни и те же ценности, хотя и в разной степени. Такие понятия как честность и мужество, мир и мудрость признаются во всех человеческих культурах (Rokeach 1979) [23]. С другой стороны, нидерландскому социологу Г. Хофстеде в своем основополагающем исследовании удалось выделить не более пяти ценностных параметров, присущих всем культурам (Hofstede 1984; 2001) [10; 12]. Однако мысль о том, что существуют базовые общечеловеческие ценности, подлежащие измерению и сопоставлению, захватывает ученых на протяжении десятков лет.

Цель. В данной статье предпринята попытка исследования фундаментальных ценностей японской культуры в контексте теории ценностных ориентаций Ф. Клакхон и Ф. Стродтбека.

Основная часть. Одна из очень влиятельных теорий базовых человеческих ценностей была предложена Ф. Клакхон и Ф. Стродтбеком (Kluckhohn 1953; Kluckhohn & Strodtbeck 1961) [15; 16] – американскими исследователями в области антропологии и социальной психологии. Они применили на практике теорию ценностных ориентаций американского социального антрополога К. Клакхона. К. Клакхон (Kluckhohn 1949; 1951) [13; 14] утверждал, что люди разделяют общие биологические особенности и характеристики, которые формируют основу для развития культуры. Люди обычно считают собственные культурные верования и практики нормальными и естественными, в то время

как другие культуры кажутся им странными или даже ненормальными. К. Клакхон определял ценности как «осознанное или неосознанное, характерное для индивида или для группы индивидов представление о желаемом, которое определяет выбор целей (индивидуальных или групповых) с учетом возможных средств и способов действия» (Kluckhohn 1951) [14, с. 395].

В своей базовой работе «Доминирующие и вариативные ценностные ориентации» Ф. Клакхон обозначила пять основных общечеловеческих проблем, характерных для всех времен и народов. Ф. Клакхон определяла ценностные ориентации, исходя из того, как мы относимся к самим себе и к окружающему миру, что, в свою очередь, направляет и фокусирует наши мысли и действия. Ф. Клакхон была заинтересована в изучении конкретных моделей поведения, которые находятся под влиянием культуры. Сами ценности определялись не с позиции добра и зла, а как убеждения, которые структурируют воспринимаемый мир. Как отмечала Ф. Клакхон (Kluckhohn 1953) [15], человеческое поведение во все времена отражало сложное сочетание общего и единичного, неизменного и изменчивого. Она имела в виду, что все люди как *homo sapiens* разделяют общие модели поведения. Но для *homo sapiens* в равной степени характерно и разнообразие в формах поведения. Таким образом, можно найти как сходства, так и различия в поведении представителей разных культур. Пытаясь проанализировать различные поведенческие модели, Ф. Клакхон предложила считать человеческое поведение обусловленным доминирующими или вариативными ценностными ориентациями. Исследовательница выделила пять категорий, или ценностных ориентаций: врожденную предрасположенность (представление о внутренней природе человека), отношение человека к природе, отношение человека ко времени, модальность человеческой активности, модальность межчеловеческих отношений (Kluckhohn 1953, p. 347) [15, с. 347].

Первая ценностная ориентация обращена к **внутренней природе человека**: является ли человек добрым, злым или амбивалентным. По мнению Ф. Клакхон, общество всегда пыталось дать ответ на этот вопрос. Исследовательница акцентировала внимание на том, что данная предрасположенность может быть неизменной или изменчивой. Например, человеческую натуру можно рассматривать как «злую и неизменную» или «злую и способную совершенствоваться». Зло, способное совершенствоваться, – это американский взгляд на человеческую природу, выросший из наследия пуритан. Согласно этой точке зрения, для улучшения человеческой природы необходим постоянный контроль и дисциплина, поскольку «всегда присутствует опасность регресса» (Kluckhohn 1953, p. 347) [15, с. 347].

Японцы считают, что человек по своей сути добрый, и эта врожденная предрасположенность остается неизменной. Подобные взгляды в значительной степени обусловлены сильным влиянием синтоизма на японскую культуру и ценности (Yamakage 2006) [26]. Синтоизм – национальная религия коренных жителей Японии – способствовал формированию базовой структуры их психики и поведения (Herbert 2010) [8]. Согласно доктрине синто, человек изначально благ и безгрешен, а мир изначально хорош. Вера синто не придерживается концепции первородного греха.

Зло входит в мир извне, его привносят злые духи. Они неблагоприятно влияют на человека и снижают его способность противостоять искушениям. Когда человеческие существа действуют неправильно, они загрязняют самих себя, что препятствует правильному потоку жизни и получению благословения от Kami. Под термином Kami понимается широкий спектр существ, предметов, явлений. Kami – это реальные явления мира, понимаемые как божественные (Nelson 1996), «человеческие существа, птицы, животные, деревья, растения, горы, океаны – все может быть Kami» (Harris 2001, p. 14) [7, с. 14]. Покойные предки или погибшие воины тоже воспринимаются как Kami (Richie 2001) [22]. Иногда Kami предстают богами, но они не подпадают под западное определение этого термина.

Этика синтоизма основана не на определенном наборе заповедей и моральных законов, указывающем верующим правильный путь, но на следовании воле Kami. Сами Kami не являются совершенными: они ошибаются. Это позволяет избежать формулирования абсолютных моральных норм. Синто не имеет морального абсолюта и оценивает хорошие или плохие действия и мысли в контексте происходящего: обстоятельства, намерения, цели, время, место.

Позднее синтоизм ассимилировал конфуцианство и буддизм, которые сегодня органически вплетены в национальную жизнь японцев. Конфуций полагал, что мы живем в нравственном мире. Нравственность – составная часть самой структуры универсума. Конфуций подразумевал, что люди в основном хорошие. Каждый человек для него – потенциально совершенно мудрый, т. е. человек, действующий с предельной благожелательностью. Все люди могут культивировать добродетель и приводить себя в соответствие с велением Неба (Confucius 2012) [5]. Эта идея отчетливо прослеживается в учении Мэн-цзы (Mencius 2004) [18].

Человек хочет быть счастливым, это заставляет его стремиться к добру – таков лейтмотив буддийского текста Милиндапаньха (The Questions of King Milinda, 1998). А мыслители поздней Махаяны разработали учение о природе Будды, согласно которому все живые существа имеют природу Будды и по своей сути являются совершенными. Истинная, самотждественная, безусловная, невыразимая природа всего сущего – татхата – пребывает во всех существах и не претерпевает никаких изменений ни в «совершенном», ни в «загрязненном» состоянии (Takasaki 1966) [26]. Абсолютная чистота, незапятнанность свойственны человеку в его исконной сущности. Это та чистота, которой обладает Будда и его учение. Таким образом, японская культура, сформировавшаяся под влиянием синтоизма, буддизма и конфуцианства, рассматривает человеческую натуру как добрую, и эта доброта остается неизменной.

Вторая ценностная ориентация – **отношение человека к природе** – предусматривает несколько вариантов: «человек подчинен природе», «человек живет в гармонии с природой» и «человек властвует над природой». В первом варианте человек не может и не должен контролировать и подчинять себе природу, а, наоборот, он сам пассивно подчиняется силам природы. Человек, живущий в гармонии с природой, осуществляет частичное, но не полное, управления ею и находится в равновесии с силами природы. Наконец, третий вариант рассматривает человека как стремящегося осуществлять тотальный контроль над

природой. Западная ориентация, по словам Ф. Клакхон, безусловно, стремится к контролю или завоеванию природы.

В Японии люди не противопоставляют себя окружающей среде, но ощущают себя частью интегрированной, целостной системы. Их роль состоит в поддержании баланса этой системы. Отвергая идею активного переустройства мира, характерную для западного менталитета, японцы стремятся постичь единство человека с миром природы, распознать ее скрытые ритмы, естественные изменения времен года. Они пытаются выявить уникальность и красоту каждого мгновения. Красота имманентно присуща окружающему миру. Человек не может создавать то, что уже существует. Он может только восхищаться этой красотой.

Отношение японцев к природе базируется на определенном мировоззрении, исторической основой которого был синтоизм с его одухотворением природных и даже рукотворных объектов. Многочисленные синтоистские мифы и сказания отражают характерные для Японии природные условия. Территориальная изолированность страны, ее географические и климатические особенности (землетрясения, цунами, тайфуны) оказали влияние на отношение японцев к природе как к живому существу.

Дух синтоистского панэстетизма всегда присутствовал в японской культуре и при слиянии с буддийскими, даосскими и конфуцианскими идеями стал органической частью синкретической эстетики дзен-буддизма. Природа всегда была для Японии высшим проявлением истины и красоты. Существуют особые ритуалы любования цветущей сакурой и сливой, падающим снегом, полнолунием в сентябре, пылающей листвой кленов. Литература и искусство воспевают каждое из времен года. Поэтическое отношение японцев к природе и сегодня остается важной особенностью японской культуры, а икебана, бонсай, сад камней, чайная церемония, хайку, суми-э по-прежнему составляют часть духовной жизни японцев. Ваби-саби – японский термин, который отражает такое ощущение красоты. Это понятие определяет суть многих традиционных видов искусств Японии. Ваби – это эстетические и моральные нормы и правила, делающие акцент на простом, строгом типе красоты и созерцательном, безмятежном, отвлеченном восприятии действительности. Ваби ассоциируется с деревенской простотой, свежестью и спокойствием. Саби – это красота или спокойствие, которые приходят с возрастом. Люди постигают ваби-саби только через внутреннее созерцание, медитацию, живя простой жизнью и наслаждаясь единением с природой (Kogen 2004; Powell 2004) [17; 21].

Знаменитый японский буддолог Д. Судзуки (Suzuki 1954) [25] утверждал, что для понимания культурной жизни японцев во всей ее разноплановости, включая страстную любовь к природе, необходимо постичь тайны дзен-буддизма. Дзен-буддизм оказал огромное влияние на художественную, интеллектуальную и политическую жизнь Дальнего Востока. В какой-то мере он способствовал формированию японского характера, одновременно являясь выражением этого характера. Никакая другая форма буддизма не является до такой степени японской. Дзен учит уважать и любить природу, жить ее жизнью; дзен утверждает, что природа живет в нас, а мы – в ней.

Японское восприятие природы прекрасно иллюстрируется дзенской притчей «Сухие листья»:

«Император три года готовил свой сад. И вот к открытию он пригласил знатных гостей полюбоваться его красотой. Все были в восторге и расточали лишь комплименты. Но императора особо интересовало мнение Лин-чи, который считался непревзойденным знатоком этого вида искусства. Когда император обратился к нему, все присутствующие обернулись.

Лин-чи сказал:

- Я не вижу ни одного сухого листа. Как жизнь может существовать без смерти? Из-за того, что здесь нет сухих листьев, сад мертв. Я думаю, что сегодня утром его подметали. Прикажете принести немного сухих листьев.

Когда листья принесли и разбросали, ветер начал играть ими. Шорох листьев – и сад ожил!

Мастер сказал:

- Теперь все в порядке, ваш сад прекрасен, но он был слишком хорошо спланирован. Искусство становится величайшим, когда оно не обнаруживает себя» (Dzenskie pritchi, 2004, p. 47) [1, с. 47].

Традиционная японская любовь к природе основана на предполагаемом тождестве природы и человека. Американская исследовательница японского происхождения Ю. Саито (Saito 1985) [24] определяет два основных способа идентификации японцев с природой: эмоциональная идентификация и идентификация, основанная на временности как человека, так и природы, на быстротечности человеческой жизни и природных явлений. Внимательное и уважительное отношение к быстротечным явлениям – характерная черта японского отношения к природе.

Третья ценностная ориентация связана с *отношением людей ко времени*. Согласно Ф. Клакхон, все общества «имеют свое представление о прошлом, у всех есть настоящее, все уделяют внимание будущему» (Kluckhohn 1953, p. 348) [15, с. 348]. Общества отличаются тем, какому из измерений времени они отдают предпочтение: прошлому, настоящему или будущему. Несомненно, доминирующая американская культура ориентирована на будущее, и исследовательница находит этому немало подтверждений. От девиза бойскаутов: «Всегда будь готов» до рекламных роликов, предлагающих «новый и улучшенный» продукт, от репортеров, муссирующих извечный вопрос «А что же дальше?», до футурологов, пытающихся «оседлать» очередную «волну времени», – американская жизнь полна новыми перспективами и обращена в будущее.

Культуры, ориентированные на прошлое, придают большое значение истории, опыту и традициям. Поэтому неудивительно, что они особенно почитают своих предков. «Проверенный и надежный» здесь ценится больше, чем «новый и улучшенный». Для некоторых культур будущее лежит вне контроля человека и относится к сфере сверхъестественного.

Культуры, ориентированные на настоящее, подчеркивают модус «здесь и сейчас». Данные культуры не стремятся любой ценой изменить нынешнюю ситуацию. Они «обращают мало внимания на то, что происходило в прошлом, и считают будущее неопределенным и наиболее непредсказуемым периодом» (Kluckhohn 1953, p. 348) [15, с. 348].

Японская культура ориентирована на «прошлое, которое осмысливается как источник идей, надежды и вдохновения: у предков надо учиться, в прошлом искать

правила жизни и поведения» (Ter-Minasova 2008) [3]. Подобный взгляд определяется сильным влиянием синтоизма и буддизма. Синтоистский взгляд на историю является циклическим - история постоянно повторяется, подобно лунным фазам сельскохозяйственного календаря. В рамках синтоистской мифологии все существующее сначала считается незрелым и несовершенным, а затем постепенно развивается и совершенствуется. Это происходит в результате усилий самого человека, а также покровительства богов. Подобное восприятие мира не изменилось даже в более поздние периоды истории Японии: многие японцы после смерти надеются сохранить духовную связь с потомками (Nirai 1983) [9]. Современный синтоизм немислим без заимствований из конфуцианства, призывающего изучать классиков и воспевавшего прошлое.

Буддизм, оказавший огромное влияние на японскую духовную традицию, способствовал распространению концепции реинкарнации и кармы - действия в прошлом определяют положение вещей сегодня. Японцы отдают предпочтение прошлому, основанному на традиции и опыте, и склонны рассматривать его в качестве ориентира при принятии решений. Необходимо отметить, что уважительное отношение к традиции не является слепым подражанием и не преграждает путь к инновациям и модернизации общества.

Четвертая ценностная ориентация описывает самоопределение человека в мире, **модальность его активности (мотивацию поведения)**. Это ориентация на деятельность, бытие или бытие-в-становлении. Деятельностный, активный тип культуры отдает предпочтение тому виду деятельности, который приводит к достижениям, поддающимся измерению. Это характерно для культуры США, в которой личность соотносится с тем, что она делает. В рамках данной ориентации развивается тенденция соперничества, соревновательной борьбы. Устремленность вперед, нацеленность на результат, реализация себя через внешнюю деятельность – вот характеристики подобного типа культуры. Любой вид деятельности измеряется степенью ее эффективности и продуктивности.

Ориентация на бытие-в-становлении – самоопределение через взаимоотношения, но с элементами саморазвития – может рассматриваться как нечто промежуточное между «активностью», которая фокусируется в основном на деятельности и ее результатах, и «бытием», сосредоточенным, прежде всего, на отношениях и месте в обществе.

В культурах, ориентированных на бытие, чувство идентичности базируется на стабильных отношениях и устойчивой социальной структуре. Люди добиваются успеха в команде или терпят поражение в одиночку. Одним из примеров является японская культура. Японский исследователь Р. Окабе (Okabe 1983) [20] противопоставляет американскую культуру «активности» японской культуре «бытия». Он отмечает, что достижение и развитие не являются настолько важными в традиционных вертикальных обществах, таких как Япония, где значительно больше ценится происхождение человека, его родословная, возраст и статус. В данном типе культуры важнее то, кто ты есть, чем то, что ты делаешь. Мотивация является внутренней. При возникших проблемах в отношениях «мир/окружающая среда – человек» японец предпочтет изменить себя, свое восприятие, свои действия, а

представители, социализированные в культурах активного типа, попытаются изменить среду.

Подобное различие модусов взаимодействия с миром прекрасно проиллюстрировал Э. Фромм, сравнивая стихотворения английского поэта XIX века – А. Теннисона и японского поэта XVII века Басе. В стихотворении Теннисона говорится:

*Возросший среди руин цветок,
Тебя из трещин древних извлекаю,
Ты предо мною весь - вот корень, стебелек, здесь, на
моей ладони.*

*Ты мал, цветок, но если бы я понял,
Что есть твой корень, стебелек, и в чем вся суть
твоя, цветок,*

Тогда я Бога суть и человека суть познал бы.

Хайку Басе звучит так:

Внимательно взглядишь!

Цветы «папушью сумки»

Увидишь под плетнем!

«Теннисону, как представляется, необходимо обладать цветком (*совершить активные действия по отношению к нему – Т. Д.*), чтобы постичь природу и людей, и в результате этого обладания цветок погибает. Басе же хочет просто созерцать, причем не только смотреть на цветок, но стать с ним единым целым (*просто быть – Т. Д.*) – и оставить его жить» (Fromm 2000, p. 15) [4, с. 15].

Пятая ценностная ориентация – это **модальность межлических отношений**. Ф. Клакхон предложила три модели (ориентации) отношений с окружающими: индивидуалистическую, коллатеральную и линейную. Первая ориентация характерна для североамериканской культуры, в которой семейные узы имеют относительно ограниченный характер и интенсивность. В данной модели отношений акцент делается на индивиде или нуклеарной семье, которые принимают решения независимо от других членов большой группы.

Коллатеральная модель представляет более интенсивные семейные связи, которые выходят за пределы нуклеарной семьи и включают бабушек и дедушек, дядь и тетя, двоюродных братьев и сестер и т. д. Акцент делается на консенсусе внутри большой группы равных.

Линейная модель похожа на коллатеральную. Однако в ее рамках понятие семьи охватывает всех дальних родственников: племя, клан, а также покойных предков, без совета с которыми редко принимаются важные решения. В данном случае ярко выражены иерархические принципы и признание более высокого авторитета (или авторитетов) в группе. Данная модель характерна для японского общества, которое строится на основе жесткой иерархической системы «старший – младший». Старшие и младшие определяются как возрастом, так и социальным статусом.

Для Японии, даже современной, характерен очень сложный этикет, обусловленный самой иерархической структурой общества. На его формирование оказали влияние как конфуцианство, так и синтоизм, возводивший в культ почитание Императора. Конфуцианство подчеркивает, что гармония между небом, природой и человеческим обществом достигается за счет сознательного исполнения каждым человеком своей социальной роли. Сяо – сыновья почтительность – одно из центральных понятий в конфуцианской этике. Это понятие определяет конкретные правила поведения в социальных отношениях и придает

большое значение семье. Семейные роли жестко структурированы, иерархичны, с ярко выраженным мужским доминированием.

Материальное и моральное благополучие семьи, ее единение имеют большое значение. Интересы группы важнее интересов индивида, который часто вынужден подавлять свои эмоции и желания, поддерживая репутацию семьи в целом. Семья обеспечивает поддержку и помощь каждому из ее членов. В то же время индивиды обязаны оказывать помощь всем членам семьи. Развитие и культивирование самостоятельности и независимости не являются основной целью человека.

С первых дней жизни японские дети усваивают, что они являются частью взаимозависимого общества. Зависимость от других воспринимается как норма и оценивается негативно лишь тогда, когда социальные обязательства, которые она создает, слишком обременительны для выполнения. В межличностных отношениях большинство японцев, как правило, избегает открытой конкуренции и конфронтации. Взаимодействие с другими требует самоконтроля. Если каждый член группы осознает свои личные обязательства и содействует другим, то группа в целом получает выгоду. Успех может прийти только тогда, когда все прилагают максимум усилий. Решения часто принимаются только после консультаций со всеми в группе. Консенсус не означает, что имеет место всеобщее согласие, однако консультативный процесс принятия решений укрепляет чувство групповой идентичности (Dolan & Worden, 1991) [6].

Выводы. Система ценностных ориентаций не остается неизменной во времени. Укорененная в семейных традициях и практиках, сформированная на протяжении веков, она сталкивается с влияниями извне. Современная Япония пытается сочетать традиционные установки с политическими и социальными требованиями развитой экономической системы. Эта попытка сбалансировать и по-новому интерпретировать прошлое и настоящее оказала значительное влияние на структуру человеческих отношений в современной Японии: на сферу семьи и семейной динамики, на образ жизни, воспитание детей, социализацию молодежи, положение Hollywood: работающих женщин и людей старшего возраста. Во всех случаях обнаруживается дуальная структура, в рамках которой сосуществуют традиционные ценности и современные практики. Энергично заимствуя плоды западной цивилизации, Япония не отказывается от собственной системы ценностей. «Японская интеллектуальная элита намерена искать свой собственный путь вхождения в глобализацию, не копирующий полностью западный, и предлагать собственные сценарии глобализации, основанные на идеях социального государства, гибкости глобальных норм, взаимоприемлемом сопряжении и гармонизации ценностей и смыслов, – и в будущем эти сценарии глобализации смогут оказывать влияние на ее конфигурацию» (Karelava, Chugrov 2009, p. 53) [2, с. 53].

Прочтем до конца оборванную строфу Киплинга:
*Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли
встает?*

Библиографические ссылки

1. Дзенские притчи. – Пенза: Из-во «Алмазное сердце», 2004. – 176 с.

2. Карелова Л. Б. Глобализация: японские интерпретации социокультурных процессов / Л. Б. Карелова, С. В. Чугров // Вопросы философии. – 2009, – № 7, – С. 44–53.
3. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур / С. Г. Тер-Минасова. – М.: СЛОВО, 2008. – 344 с.
4. Фромм Э. Иметь или быть [Электронный ресурс] / С. Фромм. – Режим доступа: <http://tululu.org/read52667/1/>
5. Confucius The Analects / translated by D. C. Lau. – Simon & Brown. Hollywood. – 2012. – 138 p.
6. Dolan R. Japan: A Country Study / R. Dolan, R. Worden. – Washington, DC: United States Government Printing, 1991. – 610 p.
7. Harris V. Shinto: The Sacred Art of Japan / V. Harris. – London: British Museum Press, 2001. – 244 p.
8. Herbert J. Shinto: At the Fountainhead of Japan / J. Harbert. – NY: Taylor & Francis, 2010. – 622 p.
9. Hirai N., Traditional cultures and modernization: Several problems in the case of Japan [Электронный ресурс] / N. Hirai. – Institute for Japanese Culture and Classics, Kokugakuin University, 1983. – Режим доступа: <http://www2.kokugakuin.ac.jp/ijcc/wp/cimac/index.html>.
10. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values / G. Hofstede. – CA, Beverly Hills: Sage Publications, 1984. – 327 p.
11. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind / G. Hofstede. – NY: McGraw-Hill, 1997. – 576 p.
12. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations / G. Hofstede. – CA, Beverly Hills: Sage Publications, 2001. – 616 p.
13. Kluckhohn C. Mirror for man: the relation of anthropology to modern life / C. Kluckhohn. – Berkeley, CA: Whittlesey House, 1949. – 313 p.
14. Kluckhohn C. Values and value orientations in the theory of action / C. Kluckhohn // Toward a general theory of action / T. Parsons, E. A. Shils. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1951. – 140 p.
15. Kluckhohn F. Dominant and variant value orientations / C. Kluckhohn // Personality in nature, society, and culture // C. Kluckhohn, H. Murray. – New York, NY: Alfred A. Knopf, 1953. – P. 95-146
16. Kluckhohn F. Variations in Value Orientations / F. Kluckhohn, F. Strodtbeck. – New York, NY: Row, Peterson and Co., 1961.
17. Koren L. Wabi-Sabi: for Artists, Designers, Poets & Philosophers / L. Koren. – San-Francisco: Imperfect Publishing, 2004. – 96 p.
18. Mencius / translated with an introduction by D.C. Lau. – London: Penguin Classics, 2004. – 280 p.
19. Nelson J. A Year in the Life of a Shinto Shrine / J. Nelson. – Seattle & London: University of Washington Press, 1996. – 288 p.
20. Okabe R. Cultural assumptions of East and West: Japan and the United States / R. Okabe // Intercultural Communication Theory: Current Perspectives. International and Intercultural Communication Annual / W.B. Gudykunst – Vol. VII. – Beverly Hills, CA: Beverly Sage Publications, Inc., 1983. – P. 21–44
21. Powell R. Wabi Sabi Simple: Create beauty. Value imperfection. Live deeply / R. Powell. – New York, NY: Adams Media, 2004. – 208 p.
22. Richie D. The Donald Richie Reader: 50 Years of Writing on Japan / D. Richie, ed. A. Silva – Berkeley, CA: Stone Bridge Press, 2001. Richie D. The Donald Richie Reader: 50 Years of Writing on Japan 288 p.
23. Rokeach M. Understanding human values: individual and societal / M. Rokeach. – New York, NY: Free Press, 1979. – 322 p.
24. Saito Y. The Japanese Appreciation of Nature / Y. Saito // British Journal of Aesthetics. – V. 25(3). – 1985. – P. 239–251.
25. Suzuki D. T. An Introduction to Zen Buddhism / D. T. Suzuki. – New York, NY: Grove Press, 1954. – 144 p.
26. Takasaki J. A. Study on the Ratnagotravibhāga (Uttaratantra): Being a Treatise on the Tathāgatagarbha Theory of Mahāyāna Buddhism / J. Takasaki // Serie Orientale Roma XXXIII. Roma: Is. M. E. O. – 1966. – 439
27. The Questions of King Milinda: An Abridgment of the Milindapaṇha / ed. N.K.G. Mendis. – Sri Lanka: Buddhist Publication Society, 1998. – 200 p.

28. Yamakage M. The essence of Shinto: Japan's spiritual heart / ed. P. De Leeuw, A. Rankin. – Tokyo: Kodansha International, 2006. – 232 p.

Данилова Т. В. Стежкою, що веде на Схід: декілька слів про японські ціннісні орієнтації

Сьогодні проблема діалогу Сходу і Заходу актуалізована глобалізаційними процесами і посиленням економічної інтеграції. Культура Японії в наші дні набуває все більшого поширення і популярності. Японський феномен породив безліч питань щодо культури цієї країни і базових ціннісних орієнтацій її жителів. У даній статті зроблено спробу проаналізувати фундаментальні цінності японської культури в контексті теорії ціннісних орієнтацій Ф. Клакхон і Ф. Стродтбека. Перша ціннісна орієнтація звертається до внутрішньої природи людини: людина є доброю, злою чи амбівалентною. Японці вважають, що людина за своєю природою є доброю, і ця вроджена схильність залишається незмінною. Подібні погляди в значній мірі обумовлені сильним впливом синтоїзму, конфуціанства і буддизму на японську культуру і цінності. Друга ціннісна орієнтація - ставлення людини до природи - передбачає декілька варіантів: «людина підпорядкована природі», «людина живе в гармонії з природою» і «людина панує над природою». В Японії люди не протиставляють себе навколишньому середовищу, але відчують себе частиною інтегрованої, цілісної системи. Їх роль полягає в підтримці балансу цієї системи. Третя ціннісна орієнтація пов'язана зі ставленням людей до часу. Суспільства відрізняються тим, якому з вимірів часу вони надають перевагу: минулому, теперішньому або майбутньому. Японці надають перевагу минулому, що базується на традиції та досвіді, і схильні розглядати його в якості орієнтира при прийнятті рішень. Четверта ціннісна орієнтація описує самовизначення людини в світі, модальність її активності. Це орієнтація на діяльність, буття або буття-в-становленні. В японській культурі, орієнтованій на буття, почуття ідентичності базується на стабільних відносинах і стійкій соціальній структурі. Люди досягають успіху в команді або зазнають поразки поодиночі. П'ята ціннісна орієнтація - це модальність міжлюдських стосунків: індивідуалістична, колатеральна або лінійна. Лінійна модель характерна для японського суспільства, яке ґрунтується на жорсткій ієрархічній системі «старший – молодший». В її рамках поняття сім'ї охоплює всіх далеких родичів: плем'я, клан, а також покійних предків. Система ціннісних орієнтацій не залишається незмінною в часі. Сучасна Японія намагається поєднувати традиційні установки з політичними і соціальними вимогами розвиненої економічної системи. Енергійно запозичуючи плоди західної цивілізації, Японія не відмовляється від своєї системи цінностей і шукає свій власний шлях входження в глобалізацію.

Ключові слова: цінності, ціннісні орієнтації, японська культура, синтоїзм, буддизм, конфуціанство

Danylova T.V. On the path towards the East: a few words on Japanese value orientations

Globalization processes and increasing economic integration actualize the problem of dialogue between East and West. Culture of Japan nowadays is becoming more common and popular. Japanese phenomenon has generated many questions on the culture of this country and on the basic value orientations of Japanese community. This paper attempts to study the fundamental values of Japanese culture in the context of F. Kluckhohn and F. Strodtbeck's value orientations theory. The first value orientation spoke to the inherent nature of man: is he basically good, evil or ambivalent? Japanese believe that people are inherently good, and this innate predisposition remains unchanged. Such views are largely attributable to the strong influence of Shinto, Confucianism and Buddhism on Japanese culture and values. The second value orientation - man's relationship to nature - provides several options: subjugation to nature, harmony with nature and mastery over nature. In

Japan people do not oppose themselves to the environment, but rather feel themselves as a part of an integrated, holistic system. Their role is to maintain the balance of the system and to stay in harmony with nature. The third value orientation deals with time dimension. Each society has its own understanding of the past, present and future. Societies differ in which of these dimensions they emphasize. Japanese culture as past-oriented culture values tradition and experience, and tends to view them as a guide when making decisions. The fourth value orientation describes the modality of human activity (valued personality type) – orientation on activity itself, being or being-in-becoming. In Japanese culture focused on being a sense of identity is based on stable relationships and stable social structure. People succeed as a team or fail alone. The fifth value orientation is modality of human relations: individualistic, collateral or linear. Japanese culture reflects the linear orientation to include all family members and even wider to encompass the tribe, the clan as well as ancestors. Japanese society is based on a rigid hierarchy «senior – junior». Value orientations system does not remain unchanged over time. Modern Japan is trying to combine traditional attitudes with the political and social demands of developed economies. Vigorously borrowing fruits of Western civilization, Japan does not give up its own system of values and tries to find its own way of entering into a global age.

Keywords: values, value orientations, Japanese culture, Shinto, Buddhism, Confucianism

References

- Confucius 2012, *The Analects*, Translated by DC Lau, Simon & Brown, Hollywood
- Dolan, R & Worden, R 1991, *Japan: A Country Study*, United States Government Printing, Washington, DC
- Dzieskie pritchi [Zen Parables]*, 2004, Izdatel'stvo «Almaznoe serdtse», Penza
- Fromm, E 2000, *Imet' ili byt' [To have or to be]*, viewed May, 30: <<http://tululu.org/read52667/15>>
- Harris, V 2001, *Shinto: the Sacred Art of Japan*, British Museum Press, London
- Herbert, J 2010, *Shinto: At the Fountainhead of Japan*, Taylor & Francis, New York, NY
- Hirai, N 1983, *Traditional cultures and modernization: Several problems in the case of Japan*, Institute for Japanese Culture and Classics, Kokugakuin University. – viewed May, 30: <<http://www2.kokugakuin.ac.jp/ijcc/wp/cimac/index.html>>
- Hofstede, G 1984, *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*, Sage Publications, Beverly Hills, CA
- Hofstede, G 1997, *Cultures and Organizations: Software of the Mind*, McGraw-Hill, New York, NY:
- Hofstede, G 2001, *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations*, Sage Publications, Beverly Hills, CA
- Karelova, LB & Chugrov, SV 2009, 'Globalizatsija: japonskie interpretatsii sotsiokul'turnyh protsessov' [Globalization: Japanese interpretation of sociocultural processes], *Voprosy filosofii*, № 7, pp, 44–53,
- Kluckhohn, C 1949, *Mirror for man: the relation of anthropology to modern life*, Whittlesy House, Berkeley, CA:
- Kluckhohn, C 1951, 'Values and value orientations in the theory of action', *Toward a general theory of action*, Harvard University Press, Cambridge, MA:
- Kluckhohn, F 1953, Dominant and variant value orientations, *Personality in nature, society, and culture*, AA Khopf (ed.), New York, NY:
- Kluckhohn, F & Strodtbeck, F 1961, *Variations in Value Orientations*, Row, Peterson and Co, New York, NY:
- Koren, L 2004, *Wabi-Sabi: for Artists, Designers, Poets & Philosophers*, Imperfect Publishing, San-Francisco
- Mencius*, 2004, Translated with an introduction by DC Lau, Penguin Classics, London
- Nelson, J 1996, *A Year in the Life of a Shinto Shrine*, University of Washington Press, Seattle & London
- Okabe, R 1983, 'Cultural assumptions of East and West: Japan and

the United States', *Intercultural Communication Theory: Current Perspectives, International and Intercultural Communication Annual*, Vol. VII, Beverly Sage Publications, Inc, Beverly Hills, CA

Powell, R 2004, *Wabi Sabi Simple: Create beauty, Value imperfection, Live deeply*, Adams Media, New York, NY

Richie, D 2001, *The Donald Richie Reader: 50 Years of Writing on Japan*, Stone Bridge Press, Berkeley, CA:

Rokeach, M 1979, *Understanding human values: individual and societal*, Free Press, New York, NY:

Saito, Y 1985, 'The Japanese Appreciation of Nature', *British Journal of Aesthetics*, № 25 (3), pp. 239–251,

Suzuki, DT 1954, *An Introduction to Zen Buddhism*, Grove Press, New York, NY:

УДК 128/129:141.3

Takasaki, J 1966, *A Study on the Ratnagotravibhāga (Uttaratantra): Being a Treatise on the Tathāgatagarbha Theory of Mahāyāna Buddhism*, Serie Orientale Roma XXXIII, Roma: Is. M. E. O.

Ter-Minasova, SG 2008, *Voyna i mir jazykov i kul'tur* [War and peace of languages and cultures], SLOVO publ., Moskov.

The *Questions of King Milinda: An Abridgment of the Milindapaṇṇa* 1998, (N.K.G. Mendis. Ed.), Buddhist Publication Society, Sri Lanka

Yamakage, M 2006, *The essence of Shinto: Japan's spiritual heart*, Kodansha International, Tokyo,

Надійшла до редколегії 14.05.2013 р.

Н. С. Доній

Чернігівський державний інститут економіки та управління

КОНЦЕПТ «ВІТАЛЬНІСТЬ» В ІСТОРИЧНІЙ ПРОЕКЦІЇ

У публікації розглянуто найбільш значимі концепції, об'єктом уваги яких став пошук джерела життєвої активності та енергії. Аналіз виділених концепцій дозволяє окреслити історичну сутність концепту вітальність, використання якого все частіше зустрічається в роботах науковців останніх років, що присвячені пошукам рецепту «лікування» гострої соціальної «хвороби» - самознищення людства.

Ключові слова: вітальність, душа, розум, ейдос, ентелехія, тіло.

Штучний світ, створений в останні два століття заради добра людини, не виконав головне завдання, що було поставлено перед ним – не забезпечив людському життю стабільності та надійності. Все частіше індивід відчуває що його існування – це «життя на межі виживання» й він вимушений боротися з середовищем намагаючись вцілити в добу глобальних катастроф. Публікації інтелектуалів останніх років, що орієнтовані на життєво-практичну тематику, інтенсивно намагаються запропонувати рецепт «Як вижити?» а їхні автори активно використовують поняття «вітальність». Застосовуючи даний термін автори наукових розвідок не забувають в обов'язковому порядку додавати, що вітальність як феномен достатньо заплутаний й такий, що досі, не зважаючи на тривалу трансформацію протягом людської історії, не отримав єдиного чіткого та загально визнаного визначення. Якщо ж спробувати узагальнити ті формулювання, що існують на сьогоднішній день, то найбільш широке трактування міститься в «Оксфордському тлумачному словнику з психології» (*The Oxford Dictionary of Psychology*) [14], де під вітальністю розуміють здатність бути живим, а в реальності таку поведінку характеризують як енергійну, витривалу, наповнену життєвим ентузіазмом.

В традиції дослідження вітальності виділяються два напрямки. Перший – ідеалізм, розглядає джерело життєвих сил у свідомості людини, її мисленні. Другий – біологічний напрям, прагне вийти за рамки ідеалістичних концепцій, і зводить вітальність до фізичного потенціалу людського організму. Основою для аналізу філософського розуміння вітальності є праці Платона, Аристотеля, Сенеки, Фоми Аквінського, А. Шопенгауера, Ф. Ніцше та ін. Спроби подолання умоглядно-ідеалістичне уявлення про вітальність були зроблені деякими натуралістами, насамперед вченими-біологами: Л. Бергом, М. Біша, Г.Вольфом, І. Бородіним, Г. Дрішем та ін. Виявлення змістовних тенденцій в розвитку категорії вітальності та визначення характеру її функціонування в сучасних філософських дослідженнях проводилося за допомогою звернення до робіт С. Денісова, В. Красікова, Г. Сінченко, В. Розина, у філософсько-психологічному ракурсі – Л. Александрової, Ф. Василюка, В. Козлової.

В філософії, хоча як і скрізь, нічого не починається на порожньому місці. Формування кожної концепції

відбувається на основі наявного багатства думки з обов'язковим використанням успадкованих від минулого категоріальних систем та концептуальних схем. Враховуючи, що ґрунтовний історичний аналіз розвитку концепту «вітальність» на даний час відсутній й одночасну актуальність такої інформації метою даної публікації є презентація поглядів на концепт «вітальність» в історії філософської думки.

Поняття вітальності не є виключно концептом ХХ ст., адже має багатовікову історію власного розвитку. Тут, здається, доцільним внести певні пояснення щодо авторського трактування слова «розвиток», яке з позиції формоутворення складається з двох частин «роз-виток». Фактично, в реальності, в сфері практичних дій, це виглядає як розкручування спіралі з докладанням фізичних зусиль. Поступово розкручуючи кожний новий віток спіралі суб'єкт доходить висновку, що перед ним – вже не спіраль, а лінія. Вона не є опозицією спіралі, але, водночас, вона вже не є тим феноменом, яким була на початку дій. Те ж саме можна сказати й про концепт «вітальність», який еволюціонувавши, перетворився в дещо інше, ніж те, чим він був на початку філософського мислення. Спробуємо прослідкувати цю трансформацію заявленого концепту й почнемо з класичної давньогрецької філософії, не забуваючи при цьому що сам термін вітальність не зустрічається в творах давніх греків, адже має латинські корні походження.

В історії філософії не раз відбувалися спроби вирішення проблеми життєвої основи та життєвості. Для Сократа єдиним та могутнім двигуном і організатором життєдіяльності людини був розум. Сократ стверджував, що людина не досягає щастя не тому, що вона його не бажає, а тому, що вона не знає у чому це щастя полягає. Саме через незнання така людина приймає за реальне добро все те, що добром не є (Ksenofont Afinskij, 1993) [11].

Пріоритет розуму у визначенні життєвої сили та спрямованості відстоював і Платон у філософській системі об'єктивного ідеалізму. Розумом, як вважав Платон, пізнаються ейдоси – ідеї, що відсутні у реальному світі та які через те недоступні для сприйняття органами чуття. Ейдоси утворюють дійсне буття – царство вічних й незмінних сутностей. За їхнім зразком з безформної